то качаясь, прислоняясь к плетням. Немалого переполоху наделала она по хутору, а неописуемое волнение взбаламутило дом.

— Живой Гришка!.. Живой наш родненький!.. — рыдающим голосом вопила она еще издали. — Петро пишет!.. Раненый Гриша, а не убитый!.. Живой!.. Живой!..

„Здравствуйте, дорогие родители! — писал Петро в письме, помеченном датой от 27 сентября, — ~~уведомляю~~ доношу вам, что наш Гришка чудок не отдал богу душу, а сейчас, слава богу, находится живой и здоровый, чего и вам мы желаем от господа бога, здравия и благополучия. Под городом Каменка-Струмиловом был ихний полк в бою, и в атаке видали казаки из его взвода, что срубил его палашом венгерский гусар и Григорий упал с коня, а дальше ничего не было нам известно, и как я не пытал у них, ничего не могли они рассказать. После уж узнал я от Мишки Кошевого, приезжал Мишка в ~~штаб~~ наш полк для связи, что пролежал Григорий до ночи, а ночью очухался и пополоз. И полоз он по звездам, дорогу отыскал и напал на раненого нашего ~~офицера~~ [illegible]. Был этот офицер ~~раненый~~ снарядом в живот и в ноги, Григорий взял его и тянул волоком на себе шесть верст. За это вышла ему награда Георгиевский крест и в звание урядника произвели Гришку. Вот как! Ранение у Григория пустяковое, скобленул его неприятель палашом в голову сверху, а упал он с коня и омороком его ударило. Зараз он в строю, говорил Мишка, и веселый. Вы извиняйте, что так написано. Пишу на седле и дюже качает.“

В следующем письме просил Петро прислать ему сушеной вишни с „родимых донских своих садов“ и просил не забывать, писать чаще, там же ругал он Григория за то, что, по словам казаков, плохо Гришка присматривает за конем, а ему, Петру, надо так, как конь гнедой его, Петра, собственный и уловкий; просил он отца от себя написать Григорию:

„Я ему доводил до ума через казаков, что если он не будет ухаживать за конем, как за своим добром, то вернемся и я ему морду в кровь побью, хоть-я он и ~~Егорьевский~~ кавалер теперь“. — писал Петро.

Затем следовали бесчисленные поклоны и сквозь мутные, подмоченные дождем строки ~~дышала~~ сквозила горькая грусть. Не сладко, видно, и Петру вливалась служба.

Жалко было глядеть на Пантелея Прокофьевича, ошпаренного радостью, он сграбастав оба письма ходил с ними по хутору, ловил грамотных и заставлял читать, нет, не для себя, а радостью гордой хвастал старик перед